

Петренко Алексей

27.5.2000.

Он пил и мучался

Вербов. - 2000-27 мая. - с 7
Кинопритча Аркадия Кордона, рассказывающая о драме писателя, показывает срез нашего запутанного времени.

Петр ЧЕРНЯЕВ

ОВЫЙ фильм Аркадия Кордона «Послушай, не идет ли дождь», полный ощущения бесприютности и безнадежности, наверняка кого-то очень не устроит. Он задевает и известных литераторов (в свое время затравивших героя ленты), и близких людей некогда широко известного писателя Юрия Казакова (его бывшая жена, например, была против фильма с самого начала). Но это дело обычное: ведь фильмы 30-х годов о Ленине абсолютно не устраивали Крупскую, ленты о Чапаеве, ставшая классикой, — раздражала родственников легендарного комбата, да и недавний сериал о Максиме Горьком «Под знаком Скорпиона» стал просто красной тряпкой для горьковедов — уж как они боролись против его появления! А какие трения были у самого Аркадия Кордона с Академией наук, когда он снимал картину об ученым Вернадском! Однако споры и раздоры проходят, а фильмы остаются. И актерские работы остаются.

Главную роль в этой драме сыграл, я бы даже сказал — прошел, всегда значительный и самобытный Алексей Петренко. Хотя играть трагедию яркой личности ему было непросто. Пришлось отказаться от эффектных приемов, которым тяготеет его актерская натура, играть приглушенно, скромно. Ведь лента Кордона — о скромном, ушедшем в себя, закомплексованном и сильно пьющем писателе, который, глядя на безобразия в стране, пил и мучился, как истинно русский интеллигент.

Режиссер рассказывает, что был крайне удивлен, когда в наступившую в начале 90-х эпоху бесцензурного кино главный редактор Свердловской студии Ле-

онард Толстой предложил ему написать сценарий о писателе Юрии Казакове (он знал, что Кордон дружил с Казаковым и некогда сделал с ним фильм «Великий самоед»). В эпоху чернухи и агрессивного кино проект тихого, спокойного фильма о литераторе, искающем свою нишу в социуме, казался нереальным, несвоевременным. Однако Госкино идею одобрило, и лента под названием «Ниша» встала в план Свердловской студии. Но заканчивалась работа спустя несколько лет уже на «Мосфильме» под другим названием.

Казакова (на экране его фамилия не звучит, героя называют просто Юра) Алексей Петренко играл без привычной своей бороды (чтобы быть ближе к прототипу). Ему так легла на душу идея рассказать с экрана о человеке, ставшем в определенной степени жертвой эпохи, что он согласился на время работы над фильмом изменить свой имидж. Актеры, занятые в фильме, терпеливо переносили многомесчные перерывы в съемках. Судьба замечательного прозаика, которого литератороведы ставят в один ряд с Бунином, волновала их.

— Это не биографический фильм, — говорит Кордон. — Это вещь ассоциативная. Действие происходит в настоящем и прошлом, в ирреальной среде, где пересекаются мотивы рассказов Казакова «Трали-вали», «Во сне ты горько плакал», «Голубое и зеленое». Герой может встретиться

со Сталиным, увидеть черта, стать персонажем одного из своих рассказов. Фильм должен стать поводом для размышлений о судьбе интеллигента в советскую эпоху...

И все же биографическим жанром, столь неплохо развитым в 50-е годы, но устаревшим сегодня, с экрана веет. Однако у Кордона биография героя преображается в некий внутренний монолог с лирическими отступлениями, которые перемежаются метафорами и аллюзиями. Отчасти это и история моральной деградации личности: герой то и дело пьет — то в ресторане со старыми друзьями, то со случайными попутчиками в электричке, то у ларька с пьянчугами, то один. При этом он понимает, что губит себя (у него уже был инсульт), свою репутацию (становится «невыездным») и что почти потерял жену и сына (его мучает чувство вины перед ними). Юрий, мотаясь по стране или отсиживаясь на даче, продолжает сохранять имидж преуспевающего литератора, при этом словно некий рок витает над ним — один из друзей кончает жизнь самоубийством, в голову приходит мысли о необходимости эмиграции, вокруг него все больше случайных, ненужных ему людей.

И все же для связи разрозненных кусков не хватает некой внутренней логики, стержня. Многие эпизоды выстроены хаотично, они ничего не добавляют к пониманию драмы писателя и к

истории появления его произведений. Возможно, этот хаос лиц, событий, воспоминаний — некая лента жизни, которая проносится перед глазами литератора. Но для того чтобы это воспринималось именно так, воспоминания слишком длинны и перегружены, на мой взгляд, бытовыми деталями. Он словно роется в куче старого хлама (где могут быть и бесценные реликвии), пытаясь отыскать причины своих житейских и творческих неудач, корни своих душевных мук.

Наверное, фильм «Послушай, не идет ли дождь» чрезвычайно интересен тем, кто лично знал Юрия Казакова и его окружение, кто понимает, кто именно из реальных писателей имеется в виду под той или иной возникающей на экране фигурой. Остальным же лента наверняка покажется запутанной, невнятной, зашифрованной в духе притч Андрея Тарковского. Хотя основная мысль все равно понятна — творчество и цель, которую онставил перед собой, были для этого пьющего писателя важнее, чем быт и упорядоченная личная жизнь. Можно тут увидеть и трагическую вину героя перед своим предназначением. Но, осознавая эту вину, каждый из нас и пытается преодолеть свое несовершенство. Может быть, Казаков ощущал это острее других...

Фильм, увы, не стал событием, несмотря на участие в нем таких мастеров, как Ирина Купченко, Альберт Филозов, и неплохие актерские миниатюры Анатолия Адошкина, Бориса Иванова, Валерия Ивченко. Время таких лирических размышлений ушло. Хотя — не буду кривить душой — многое в фильме «Послушай, не идет ли дождь» цепляет: он долго не отпускает тебя и заставляет возвращаться к фигуре и

► Для съемок в фильме А. Петренко даже пожертвовал бородой

судьбе героя. Может, виной всему название, которое не слишком — даже демонстративно — выразительно. Хотя оно и придумано Ю. Казаковым для своего ненаписанного рассказа (режиссер нашел его в черновиках писателя). Впрочем, не исключено, что время подобного фильма

еще не пришло и спустя лет 10—15 он будет смотреться с гораздо большим интересом, как срез нашего запутанного времени.

Обидно, что эта нетрадиционная картина не попала на кинофестиваль в Гатчине «Литература и кино». Ее просто не заметили. Или не оценили.